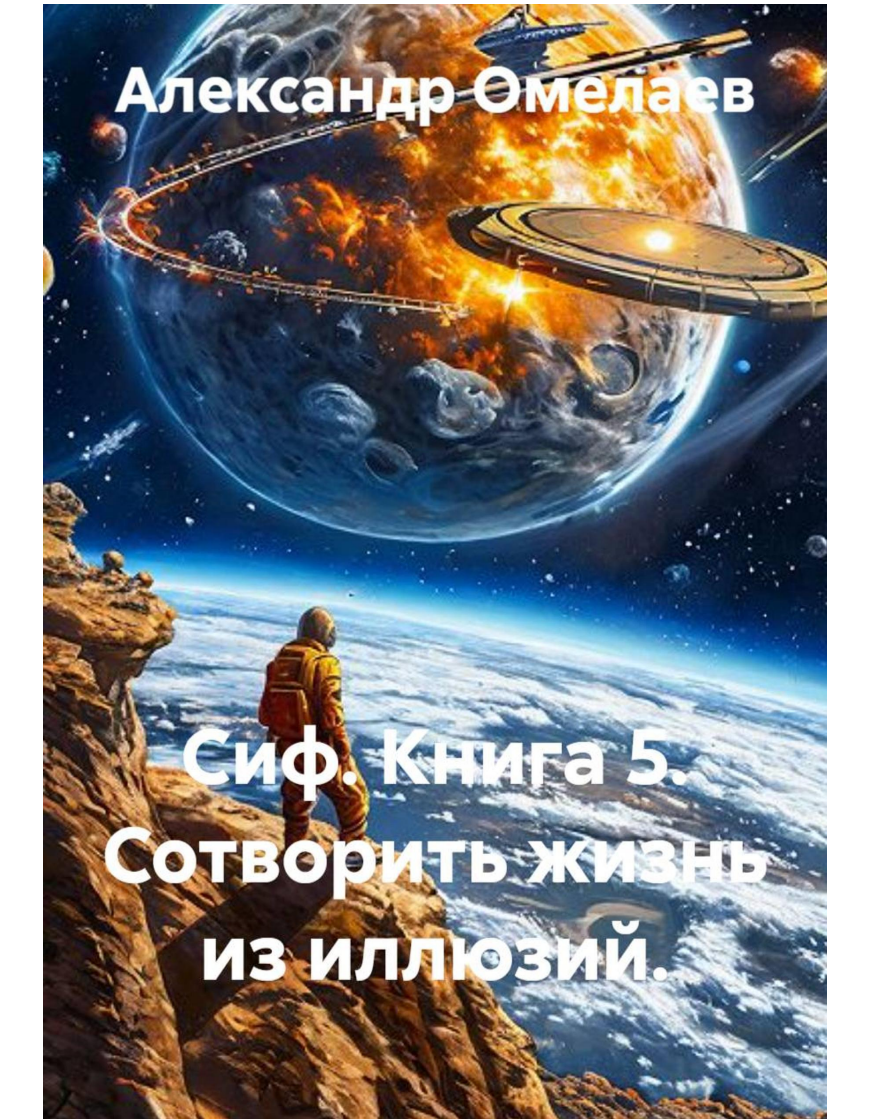

Александр Омелаяев

**Сиф. Книга 5.
Сотворить жизнь
из иллюзий.**

Александр Омелаев

Сиф. Книга 5. Сотворить жизнь из иллюзий.

<https://litres.ru/74258203>

SelfPub; 2026

Аннотация

Еще вчера он был скромным ученым Академии Наук СССР, с формулами трансзвука, гиперзвука и тихими ночными свиданиями с завораживающими его звездами. Но у космоса свои расчеты на советского физика. Когда-то высшая раса оставила свой ДНК на Земле. Две тысячи лет назад, пытаясь спасти человечество от бесконечных войн, они внедрили людям каноны христианства и развернули на Луне пост наблюдения ИИ с позывным Адам. Потеряв связь с создателями, Адам запускает аварийный протокол. Случайный выбор падает на него. Теперь его позывной — Сиф. Он — Администратор Земли с абсолютным доступом к их технологиям. Ему предстоит не раз спасти Землю от внутренних и внешних угроз, вести межзвездные войны, спасти высшую расу наших прародителей, открыть тайны планет Марса и Рим, и сокрушить безумный машинный искусственный интеллект, посчитавший живой разум «заразной плесенью галактики».

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Александр Омелаев

Сиф. Книга 5. Сотворить жизнь из иллюзий.

Глава

Александр Омелаев

Сиф.

Книга 5

Сотворить жизнь из иллюзий.

Реальность – это иллюзия, хотя и очень устойчивая.
Альберт Эйнштейн

В начале были три времени, и каждое утверждало, что оно
единственное.

Из Кумранских рукописей

Содержание

1. Непростая шаровая молния 2
2. Девять жизней школьного учителя 7
3. Препарировать реальность 13
4. Эстафета знаний или эффект домино 22
5. Познать себя и сотворить реальность 31
6. Возвращение к истокам 52
7. Сотворить свою жизнь 59
8. Беседа у края иллюзий 63
9. Эхо на воске и бумаге 65
10. Исход к истокам 72
11. Кумранский маяк и встреча с посланником 79
12. Позывной - «Ной» 81
13. Непринятая отставка Сифа 94
14. Преодолеть иллюзии и сотворить реальность 97
15. Реальность и иллюзии Сифа 99
16. Послесловие 108
17. Послесловие к пятитомнику – Сиф 108

Непростая шаровая молния

2026 год. Весенняя гроза. Майский вечер пах озонном и мокрым асфальтом. Гроза, начавшаяся как легкий дождь, стремительно набирала ярость, превращаясь в насто-

ящий шторм. В кабинете истории №304 было душно. Сергей серо-зеленым маркером подчеркивал ошибки в тетрадах. Опять Публий Корнелий Сципион. «Древний Рим — это величие, дисциплина и...» — гласила тетрадь одного из учеников. Окна кабинета истории были распахнуты настежь, впуская в комнату сырой, наэлектризованный запах первой майской грозы. Сергей устало потёр переносицу. Перед ним лежала стопка тетрадей с сочинениями об Античности. Чернила слегка расплывались от влажного воздуха, а строчки школьников про гладиаторов и цезарей казались бесконечно далекими от реальности.

Вдруг небо снаружи раскололось на ослепительные фиолетовые зигзаги. Пространство за окном выцвело, превратившись в сплошную люминесцентную стену, а следом за этим, сокрушая барабанные перепонки, грохнул яростный, сухой раскат грома. Пол под ногами Сергея вздрогнул. Но звуковая волна не улетела дальше, она словно спрессовалась, сжалась на самой границе раскрытого окна. И тогда в класс, плавно и бесшумно скользя по подоконнику, влетело непознанное квантовое чудо. Шаровая молния. Она не была просто огненным шаром. Это был идеальный, безупречно круглый сгусток бешено вращающейся лазурно-голубой плазмы размером с крупный грейпфрут. Вокруг её полупрозрачного ядра, шурша и потрескивая, вился целый рой крошечных, изумрудных и золотых искр, напоминающих микроскопические горящие кометы. Воздух вокруг неё мгновенно закипел,

искажая пространство: деревянные парты, портреты историков на стенах и шкафы поплыли, задрожали, словно в море раскаленной пустыни. Волосы на голове Сергея поднялись дыбом от мощнейшего статического напряжения, а кожа на лице заколола тысячами невидимых иголок. Сергей замер, не смея даже вздохнуть. Его охватил первобытный, леденящий ужас, который в следующую секунду сменился чистейшим, детским восторгом исследователя. «Господи, какая невероятная, абсолютная красота... — пронеслось в его ошеломленной голове. — Это же чистая энергия, запертая в идеальную форму. Квантовый парадокс, сошедший с ума. Живая физика, уничтожающая все наши учебники прямо сейчас!»

Внутри Сергея сработал первобытный инстинкт. Древний, как те самые римские легионы. Эмоции ударили в виски. Возникло то самое тоннельное зрение, когда весь мир вокруг сжимается до размеров светящегося сгустка плазмы. По законам физики атмосферы, делать резкие движения было нельзя — малейший поток воздуха мог притянуть разряд

Сергей замер, вцепившись побелевшими пальцами в край своего учительского стола. Сердце билось где-то в горле, оглушая сильнее раскатов грома. Он перестал дышать, осознавая, что любое неверное движение может стать фатальным. Время словно замедлило свой ход. Шар не издавал ни звука, лишь тихо потрескивал, гипнотизируя учителя. Кабинет истории № 304, всегда казавшийся оплотом скуки и ме-

ла, превратился в ловушку. Стены, завешанные пожелтевшими картами Древнего мира и портретами полководцев, словно сжимались. Наполеон, Цезарь и Иван Грозный смотрели со стен с абсолютным безразличием. В углах зловеще затрещали старые колонки, подключенные к школьному компьютеру. Светильники на потолке бешено замигали, тряся пространство кабинета частым миганием умирающего света, а затем с тихим хлопком погасли. Воздух раскалился, пахло горелой пластмассой и грозой. Внутри у учителя всё оборвалось. Животный, первобытный ужас парализовал тело. Мысли хаотично метались, разбиваясь о панику: *«Только не двигаться. Не дышать. Они реагируют на потоки воздуха»*. Но сердце колотилось в груди так бешено, что, казалось, его стук эхом разносился по пустому классу. Каждый волосок на теле стоял дыбом, кожу неприятно покалывало от напряжения невидимых вольт. Шаровая молния медленно плыла над учительским столом. Под ним стопка тетрадей с контрольными работами внезапно покрылась искрами и по краям стала обугливаться, без открытого пламени. Сгусток энергии задрожал, меняя цвет от ядовито-синего до багрово-красного. Учитель зажмурился. Кожа на лице горела от невыносимого жара, будто он стоял перед распахнутым жерлом доменной печи. В этот момент реальность вокруг него перестала существовать — остался только этот пульсирующий кошмар и осознание собственного бессилия перед лицом этого искрящегося шара. Молния двигалась с пугающей грацией хищ-

ника. Она не подчинялась сквозняку, а словно приноживалась к пространству, медленно выбирая маршрут. Она зависла прямо над столом, в паре сантиметров от стопки школьных тетрадей. На глазах Сергея фиолетовые чернила в раскрытых работах учеников начали слабо светиться неонами, а страницы мелко задрожали, притягиваясь к лазурному шару. Сергей отчетливо услышал его глубокий, утробный гул — низкий, вибрирующий звук, от которого зазвенели стекла в шкафах. Он видел, как внутри плазменного ядра пульсирует густая, сиреневая тьма, похожая на рождение новой галактики. Это чудо природы дышало. Оно было концентрированным временем и пространством, свернутым в тугий узел. И оно смотрело на него. Сергей физически ощутил, что этот вихрь искр не был слепой стихией. В его пульсации угадывался колоссальный, холодный и одновременно бесконечно мудрый интеллект.

«Это не просто слепой разряд грозы, — внезапно пронзило его сознание ледяной, кристальной ясностью. — Это не случайность. Это знак. Вселенский Разум выбрал меня, чтобы передать нечто, что не вмещается в границы нашей крошечной науки. Природа расколола скорлупу привычного мира, и этот сгусток — ключ к какому-то великому, страшному знанию» — мелькнула последняя мысль, когда лазурное сияние заполнило весь его класс. «Нас просто не станет. Или мы станем чем-то большим». - Квантовое чудо злое встало вспыхнуло, ослепляя сетчатку глаз ярким магниевым

светом, ядро расширилось до размеров комнаты — и мир Сергея с оглушительным звонком разорвался на миллиарды сияющих осколков.

Кровь и песок. Сергей открыл глаза от невыносимого, душающего жара. Вместо прохладного дерева стола, под пальцами был раскаленный, крупный песок. Солнце слепило, выжигая небо добела. Впереди ревели и улюлюкала огромная, пахнувшая потом и дешевым вином толпа. Сквозь этот гул прорывался отчетливый металлический звон. Сергей приподнялся и похолодел: прямо перед ним на деревянном кресте был прибит молодой, истощенный юноша. Римские легионеры в пыльных лориках с хохотом тыкали в его кровоточащие ребра острыми копьями. Настоящая, не книжная Античность пахла смертью и запекшейся кровью. Из раны толчками текла темная густая кровь, смешиваясь с грязью на древесине. Распятый лишь тихо, прерывисто застонал, но в его полуприкрытых глазах не было злости — только бесконечная, пугающая тоска. Сергей задохнулся от ужаса. Учителя заколотило. Это был не учебник. Не параграф №14. Это была живая, пахнувшая железом, кровью и смертью бойня. Эмоции захлестнули его с такой силой, что закружилась голова. Охваченный ужасом и жалостью, он изо всех сил зажмурился, молясь только об одном — проснуться в своём классе. Как историк, он мгновенно узнал место, одежду солдат и саму казнь. Но его рафинированные книжные знания об Иудее первого века сейчас разбивались о пер-

вобытную, грязную и пахнущую смертью реальность. Психологически он был абсолютно не готов увидеть это на расстоянии вытянутой руки. Напряжение достигло предела: его разум советского человека отчаянно отказывался верить в происходящее, балансируя на грани безумия. Сознание Сергея не выдержало этого ужаса, и он снова провалился в темноту.

Шепот бога. Второй раз он очнулся в прохладе. Холод. Первым вернулось осязание — спина и затылок лежали на грубом, ледяном камне. Сухой зной Иудеи исчез. Рёв толпы отрезало, словно захлопнулась железная дверь. Сергей открыл глаза и задохнулся от резкого контраста: вокруг царил полумрак сырой, глубокой пещеры. Единственным источником света был блеклый лунный луч, пробивающийся сквозь узкую расщелину вверху. Сергей приподнялся на локтях, сердце бешено колотилось в груди. Эмоции снова захлестнули его волной: где он? Это все еще галлюцинация от удара шаровой молнии в 2026 году, или он окончательно сошел с ума? Вокруг царил полумрак сырой, вырубленной в скале пещеры. Глаза привыкли к темноте, и Сергей вскрикнул: на каменном ложе, тяжело и хрипло дыша, лежал тот самый израненный юноша. Величайшая загадка его исторической науки. Сергея затрясло. Чувство абсолютного бессилия перед чужой трагедией и мистический ужас смешались в удушливый ком. Зачем его забросило сюда? Зачем заставили смотреть на чужую смерть? Он сделал шаг вперед, ведомый странным, непреодолимым порывом. Вместо при-

вычного класса или спасительного пробуждения, веки обожгло не светом, а глухой, могильной темнотой. В лицо ударил резкий контраст — леденящий, сырой покой. Воздух здесь был неподвижным, густым, пропитанным ароматами горьких масел, алоэ и мирры. Учитель судорожно вздохнул. Под пальцами вместо раскаленного песка Голгофы оказался плоский, холодный как лед камень. Эмоции, сдерживаемые до этого, хлынули безудержной лавиной. Его колотила крупная дрожь. Сердце готово было пробить ребра. Он ведь не был обычным обывателем — он был Историком с большой буквы. Человеком, который не просто зазубривал даты, а буквально дышал прошлым, мысленно проживая каждую эпоху. Для него история была священным алтарем, а не набором сухих параграфов. И сейчас этот алтарь рухнул прямо на него. Весь его ученый мир, все диссертации, споры о подлинности источников — всё это обесценилось в секунду, превратившись в осязаемую, пугающую реальность. В паре шагов от него, на каменном ложе, белели окровавленные тряпки. Из-под грубого полотна проступали контуры человеческого тела. Сердце историка пропустило удар. Глаза, привыкшие к полумраку пещеры, заскользили по складкам ткани — это была плащаница. Та самая. Настоящая. Свежие бурые пятна крови на ней еще не успели до конца высохнуть. Осознание того, КТО лежит перед ним, парализовало разум сильнее, чем недавний удар шаровой молнии. Ткань на каменном ложе едва заметно дрогнула. Учитель за-

мер, перестав дышать. Ему показалось, что это игра теней, но грудь юноши под окровавленным полотном начала судорожно вздыматься, жадно втягивая ледяной воздух пещеры. Из-под складок ткани покрывала медленно, преодолевая страшную боль, показалась бледная рука. Кожа на запястье была разорвана, а сквозь глубокую рану от гвоздя проступала обнаженная кость. Историк отшатнулся, едва не вскрикнув. Вся его книжная эрудиция, весь рационализм XXI века рассыпались в прах. Перед ним происходило то, во что наука велела не верить, — чудо Воскрешения, страшное и осязаемое в своей анатомической точности. Юноша сбросил ткань с лица и открыл глаза. У учителя подкосились ноги. Это был взгляд, способный выжечь душу: глубокий, бездонный, лишенный всякого безумия, но полный нечеловеческого знания. В этих глазах не было ни злости на палачей, ни триумфа победы над смертью — только бесконечная, звенящая тишина. Учитель смотрел в них и понимал, что вся мировая история, которую он по крупинкам собирал в своей голове, — лишь бледная тень того, что происходит здесь и сейчас. Взгляд парня насквозь пронзил сознание историка, стирая границы времени и пространства. Израненные губы парня шевельнулись. Из его груди вырвался тихий, едва различимый шепот, который, однако, прозвучал в замкнутом пространстве пещеры громче громового раската. Он посмотрел прямо на учителя и произнес:

— Сотвори свою жизнь сам...

В ту же секунду его силуэт подернулся дымкой. Границы тела начали размываться, превращаясь в сияющие золотистые микрочастицы. Окровавленная плащаница с тихим шорохом опала на пустой камень, сохранив лишь бурые отпечатки. Парень испарился, оставив после себя лишь легкий ветерок, пахнувший озоном той самой школьной грозы. Учитель остался один в пустой гробнице 33 года, с пронзившей его мыслью, что он теперь отвечает за судьбу всего человечества. Слова мессии ударили Сергея прямо в душу, словно электрический разряд той самой молнии. Пространство вокруг начало стремительно вибрировать и осыпаться мелкой каменной крошкой. Слова распятого юноши еще вибрировали в воздухе, когда Сергей рассмотрел главную деталь этой скрытой от глаз усыпальницы. Тело парня было не просто брошено на камень — оно покоилось на длинном полотнище грубой, неокрашенной ткани. Льяная плащаница, местами пропитавшаяся бурыми пятнами запекшейся крови, частично соскользнула на пол, обнажая израненную грудь. Именно в этот момент, когда парень прошептал свое пророчество, ткань плащаницы на секунду слабо, фосфоресцирующе блеснула в полумраке. Вспышка в пещере была последним, что Сергей увидел в 33 году нашей эры. Вспышка. Короткий, оглушительный щелчок.

Сергей резко дернулся, открывая глаза, и больно ударился коленом о ножку стола. Легкие судорожно втянули воздух.

Никакой мирры. Никакой вековой пыли Иудеи. В нос ударил до боли знакомый, банальный запах мела, старого линолеума и мокрого асфальта за окном. Он сидел на своём стуле в кабинете № 304. Гроза за окном уже утихала, уходя роко-чущим эхом куда-то в сторону спальных районов. На мониторе компьютера мирно горела заставка. Напротив, на стене, всё так же безразлично смотрел Гай Юлий Цезарь. Сергей опустил взгляд на ладони. Они были чистыми. Ни капли чужой крови. Никакого рыжего песка Голгофы. Прямо перед ним аккуратной стопкой лежали тетради по контрольной работе 9-го «Б». Лишь верхний лист слегка пожелтел и пошел волной от сырости из открытого окна. Медленным, непри-вычно тяжелым жестом Сергей отодвинул стопку тетрадей на край стола. Проверка домашних заданий, оценки, школь-ные отчеты — всё это, казавшееся еще полчаса назад центром его маленькой вселенной, вдруг сжалось до размеров ничтожной песчинки. Он не сошел с ума. Он слишком отчетливо помнил леденящий холод пещеры, анатомическую точность разорванных запястий и этот взгляд. Взгляд, пере-вернувший его сознание.

— *Сотвори себе жизнь...* — тихо, едва шевеля губами, повторил Сергей в пустой класс.

Вся его жизнь до этого момента была лишь чужим кон-спектом. Он рассказывал детям о чужих подвигах, чужих империях и чужих решениях, пока его собственная реаль-ность утекала сквозь пальцы в серой школьной рутине. Он

был лишь пассивным наблюдателем истории. Но теперь всё изменилось. Настоящее чудо заключалось не в том, что он перенёсся сквозь века, а в том, что ему вернули его собственное «сейчас». Ему дали карт-бланш. Сергей встал, подошел к окну и посмотрел на умытый дождём город. В его глазах больше не было прежней усталости. Появилась жёсткая, почти пугающая осознанность. Переосмысление началось. Он больше не будет песчинкой в потоке времени. Он станет архитектором своего будущего.

В ту же секунду висок Сергея прошила острая, раскаленная игла. Воздух вокруг него задрожал. Рациональный ум историка попытался уцепиться за даты, но реальность с треском лопнула, обнажая фундаментальное устройство Вселенной. Шепот парня из пещеры — *«Сотвори себе жизнь»* — сработал как квантовый детонатор. В голове Сергея возник вихрь, самой вселенной, он вдруг почувствовал, что жизнь его расщепилась на 9 суперпозиций: 33г., 1986г. и 2026г. И в каждом времени он присутствует в трёх ипостасях – летописец-учитель, с женой Тamarой, богатый торговец с женой Вероникой и механик-учёный по баллистам, с подвижницей Леной в 33 году... Вспышка озона в одно мгновение переписала декорации его жизни и всё переплела в его голове...

Девять суперпозиций жизни школьного учителя

Сергей сидел за столом, но это был не ламинат двадцать первого века. На него смотрела тусклая, покрытая царапинами советская полировка. Под рукой лежали тетради в ко-

сую линейку по цене две копейки за штуку. За окном шумели тополя, а по умытому майским ливнем асфальту с глухим урчанием катился желтый автобус «ЛиАЗ». На календаре, приколотом к деревянной доске объявлений рядом с портретом Ленина, пламенел **1986 год**. Уютная, сонная эпоха застоя, пахнувшая индийским чаем со слоном и новенькими учебниками. Сознание Сергея взорвалось, расширяясь до масштабов мироздания. Его личность, словно световой луч в призме, расщепилась на **девять суперпозиций**. Это не было воспоминанием или галлюцинацией — он физически, абсолютно отчетливо почувствовал себя одновременно в трех временных пластах и в трех судьбах в каждом из них. Девять жизней замкнулись в одну единую квантовую сеть. Девять Сергеев. Девять дорог. И все они были им. Вселенная дала ему не просто шанс изменить жизнь — она развернула перед ним веер реальностей. Мужчина тяжело оперся о край учительского стола 1986 года, чувствуя, как в его советском пиджаке бьются сердца трех эпох. Ему нужно было удержать этот вихрь в голове и решить, с какой точки начать свое великое сотворение.

Переход между реальностями случался без предупреждения, словно квантовый скачок. Сознание Сергея потеряло точку опоры, и его начало швырять по девяти узлам пространственно-временной матрицы. Он не понимал, как это происходит, но каждое смещение ощущалось абсолютно физически.

1. Суперпозиция: 33 год н.э. — Хронист и учитель в Иудее и Тамара. Резкий сдвиг. Пыль, полумрак каменного иудейского дома. Сергей сидит на земляном полу, его пальцы испачканы чернилами, а перед ним — свиток пергамента. Он — безвестный писец, летописец, фиксирующий шаги пророков и одновременно учитель.

Тамара здесь носит грубое тканое платье, ее кожа потемнела от палящего солнца, но это те же самые глаза. Она молча подносит ему чашу с прохладной водой и лепешку. В этом жестоком, дышащем кровью веке она — его тихая гавань. Она не понимает, какие великие смыслы он выводит на пергаменте, но защищает его покой от внешнего мира своей беспредельной преданностью.

2. Суперпозиция: 1986 год — Советский учитель и Тамара. Звук шагов Тамары оборвался мгновенно, словно кто-то перерезал аудиокабель. Сергей упал спиной на что-то мягкое. В нос ударил густой, сонный аромат сушеной лаванды, старого дерева и свежевystиранного ситца. За окном, скрытым легкой занавеской в цветочек, шумел мелкий весенний дождь. Было раннее утро. Сергей лежал на широкой деревянной кровати, тяжело дыша. Его пальцы все еще судорожно сжимались, но вместо пергамента они комкали край лоскутного одеяла. Сердце колотилось в горле, ударяя в перепонки. Переход в это полусонное царство всегда давался с трудом — мозг не успевал выравнивать внутреннее давление, в ушах звенело, а перед глазами плыли цветные круги.

Рядом завозилаcь Тамара. Она повернулась, обдав его подcо- знательно родным теплом cвоего cонного тела, и привычно уткнулась нoсом ему в шею. Её волосы, заплетенные на ночь в cвободную косу, пахли тем самым простым земляничным мылом, которое они покупали в лавке на углу.

— Серезенька... — тихо, с хрипотцой проворковала она, обвивая его руку cвоими мягкими, теплыми руками. — Ты чего опять подcкочил? Сердце вон как стучит, прямо ребра промётывает. Опять про cвоих древних царей думал? Cпал бы еще, до первого урока целых два часа. Горяченького чай- ку тебе налить?

Сергей cмoтpeл в потолок, где от уличного фонаря дрожа- ли тени от листьев тополя. В его глазах все еще стояла класс- ная комната. Внутренний переключатель заклинило, закорo- тив нейронные cвязи. На вопрос жены его сознание выдало ответ из третьей жизни — из мира, где его ждал совет ди- ректоров и капризы светской львицы.

— Да, Вероника, никак не могу cоставить план лекции для десятого класса... Наполеоновские войны, понимаешь, там логистика поставок cложная... — на автомате ответил он, потирая воспаленные, сухие глаза.

Тамара мгновенно замерла. Её дыхание, только что ров- ное и согревавшее его кожу, прекратилось. Сергей почув- ствовал, как её тело рядом в секунду стало чужим, жестким и холодным, cловно обледеневшая обшивкa того самого шатт- ла... В комнате повисла такая тяжелая, удушливая тишина,

что стало слышно, как на кухне мерно, с металлическим отзвуком капает старый кран. Под занавеской испуганно зажужжала проснувшаяся муха. Она медленно отстранилась и села на кровати, подтянув колени к подбородку. В рассветном полумраке её силуэт выглядел хрупким, маленьким и совершенно беззащитным перед той чертовщиной, которая творилась в его голове.

— Кто такая Вероника, Сережа? — её голос не звенел сталью, как у Елены. Он был тихим, надломленным, полным детской, искренней обиды и смертельного страха. — В нашем лицее нет учителей с таким именем. И на текстильной фабрике у нас таких нет. Я знаю всех, с кем ты здороваешься на улице. Ты... ты к ней уходишь, да? Когда задерживаешься в архиве?

— Томочка, господи, прости меня, дурака! — Сергей резко сел, протягивая к ней руки. Он попытался перехватить её за плечи, но она испуганно дёрнулась, сжимаясь в комок. Он поймал её ладони. Шершавые, с мелкими, едва заметными точками от игольных уколов на подушечках — Тамара вчера допоздна, приминая пальцами жесткую ткань, подшивала шторы на заказ для местной администрации. Сердце сжалось от острой, невыносимой жалости. — Вероника... это из византийских хроник! Святая Вероника. Я перед сном читал монографию по иконоборчеству, голова кругом идет от этих имен, латыни и греческого, вот спросонья и ляпнул первое, что в памяти всплыло. Извини меня, маленькая моя, совсем

заучился, с ума схожу от этой нагрузки.

Тамара не отняла рук, но её пальцы оставались безжизненными, холодными. Она медленно повернула к нему лицо, и в тусклом утреннем свете Сергей увидел, как по её округлой щеке ползет крупная, блестящая слеза. Она не плакала навзрыд — она беззвучно оплакивала что-то, что прямо сейчас умирало между ними.

— Ты в последнее время сам не свой, Серёж, — она тихо шмыгнула носом, вытирая щеку тыльной стороной ладони, оставляя на коже красное пятнышко. — Ты смотришь на меня, а видишь кого-то другого. Твои глаза... они чужие. Как стеклянные пуговицы. Третьего дня мы ужинали, я тебе картошечки подложила, а ты мне руку на стол положил, прижал пальцы и говоришь так строго, ледяным голосом, как начальник уголовного розыска: «Предоставьте мне отчет по расходам на пищевой сектор за отчетный период. Немедленно». Сережа, я же просто мясо и лук на рынке покупаю, копеечки в тетрадку записываю! Какой сектор? Зачем ты со мной так? Я перед тобой в чем виновата?

Она резко повернулась к тумбочке, с силой щелкнула выключателем старой настольной лампы. Пожелтевший тканевый абажур вздрогнул. Комнату залил тяжелый, безжалостный желтый свет, обнаживший трещинки на старых обоях и бледность её лица.

— И вот это... — Тамара со стуком, от которого подпрыгнул фарфоровый слоник на салфетке, положила на лаки-

рованную поверхность тумбочки тяжелый, прямоугольный предмет. Её пальцы дрожали так сильно, что она едва его удерживала. — Я вчера твой твидовый пиджак чистила. На локте нитка пошла, и внутренний карман порвался. Я зашивать стала. А там... в подкладке застряло. Это.

На тумбочке, тускло и зловеще поблескивая в электрическом свете, лежала тяжелая золотая безлимитная карта с рельефной гравировкой *Sergey Vance*. Кредитка из мира лакшери-особняков и миллиардных сделок. Вещь, которой физически, по всем законам природы и здравого смысла, не могло существовать в этом тихом захолустье, в кармане скромного учителя истории с копеечным окладом в эту эпоху.

— Откуда у тебя это, Сережа? — её голос упал до свистящего шепота, глаза округлились от ужаса. — На ней твоё имя. Но буквы не наши, чужие. И металл... он тяжелый, настоящий. И пахнет... пахнет как из дорогой машины, кожей и духами этими твоими... сандаловыми. Ты связался с какими-то страшными людьми? Ты ворует? Тебя убьют, Сереженька? Скажи мне правду! Мне не нужны чужие деньги, я всё сама заработаю, пальцы в кровь сотру, только не молчи... Не смотри на меня так!

Сергей смотрел на золотой прямоугольник, и у него кружилась голова. Воздух в комнате внезапно стал густым, лавандовый аромат начал удушающе смешиваться с запахом дорогого автомобильного парфюма. Вдруг угол тумбочки,

где лежала карта, на секунду стал прозрачным, и сквозь него Сергей увидел холодную неоновую сетку баллистического проектора КБ Елены. Мир двоился, разрывая его сознание по живому. Вспышка — и Сергей оказывается в коридоре хрущевки. Под ногами потертый линолеум, на вешалке сиротливо висит его потертый драповый пиджак. Из кухни тянет умопомрачительным, теплым запахом свежих сдобных булочек с корицей и ванилью. На окнах колышутся простенькие, но невероятно уютные ситцевые занавески в мелкий цветочек, сквозь которые пробивается мягкий вечерний свет. Навстречу ему выходит Тамара. На ней домашний халат, волосы собраны в простой пучок, а на щеке — след от муки. В ее глазах нет ни капли упрека за его копеечную зарплату или задержки на работе. Только безграничная, теплая, как нагретая солнцем земля, любовь. Она принимает его любым: усталым, разбитым, запутавшимся.

— Сереженька, раздевайся, чай как раз заварился, — тихо говорит она, и в ее голосе Сергей находит абсолютное спасение от всех бурь мироздания.

3. Суперпозиция: 2026 год — Забытый учитель и Тамара. Новый скачок. Полупустая аудитория современного университета, солнечные блики на стенах. Сергей — учитель истории в гимназии, чьи лекции о подлинности Туринской плащаницы мало кого волнуют в эпоху нейросетей. Он возвращается в небольшую квартиру на окраине. Те же цве-

тастые занавески, вопреки современному минимализму, и тот же запах выпечки. Тамара, постаревшая, но сохранившая прежний мягкий свет в глубине души, обнимает его за плечи:

— Ты у меня самый умный, Сережа. Они еще поймут.

Ей не важен его социальный статус, она любит саму его суть.

4. Суперпозиция: 33 год н.э. — Механик римских баллист и Елена. Удар — и Сергей стоит на полигоне римского лагеря в Иудее. В руках тяжелый молот, вокруг пахнет дегтем, сыромятной кожей и раскаленным металлом. Он — главный военный механик, проектирующий торсионные баллисты для осады крепостей. Елена здесь — его греческая-подвижница, скрывающая свой феноменальный ум под грубой туникой. Пока центурионы видят в ней лишь прислугу, она угольком на деревянной дощечке чертит идеальные пропорции плеч баллисты и рассчитывает сопротивление воздуха по своей интуитивной геометрии. Она — его правая рука, его единственный равный собеседник в этом варварском мире, его соратница и муза. В 1986-м эта часть его души трансформировалась в гениального советского инженера, закрытого НИИ, бьющегося над секретными технологиями создания первого Советского шаттла, а в 2026-м — в создателя космических аппаратов.

5. Суперпозиция: 1986 года. Они с Еленой создатели «Бурана» Мир снова меняется. Подвальное помещение закрытого оборонного НИИ. Горят индикаторы советских ЭВМ, повсюду разложены чертежи, схемы, пахнет канифолью и паяльником. Сергей, взъерошенный, с красными от бессонницы глазами, спорит до хрипоты над формулами расчета траекторий. Его оппонент и соратник — Елена. На ней строгие очки, простой серый свитер, но её ум — это чистый, сверкающий бриллиант. Она — гений математики и аэродинамики. Елена не просто понимает его с полуслова — она просчитывает его идеи на три шага вперед. Между ними нет бытового уюта Тамары или плотской страсти Вероники. Их связывает чистый экстаз совместного творчества. Сергей синхронно проживает недели напряжённейшей работы в закрытом подмосковном КБ НПО «Молния». Здесь он — ведущий конструктор планера многоразового космического корабля «Буран», а Елена — его муза, гениальный аэродинамик и бесстрашный лётчик-испытатель. Этот процесс становится живым триумфом его квантового домино. Формулы и притчи, заложенные им в 33 году, пройдя сквозь века, расцвели в умах Королёва и Христиановича. И теперь Сергей и Елена используют этот великий теоретический фундамент, чтобы совершить невозможное.

6. Суперпозиция: 2026 год. Они с Еленой Создатели аэрокосмической системы «Матка – ложемент» -

уникального проекта современности. Электронный хронометр на стене космического конструкторского бюро «Прогресс-Авиа» бесшумно отсчитывал секунды. Три часа ночи. Лампы дневного света работали на частоте, невидимой глазу, но от их монотонного гула в черепе Сергея настойчиво сверлила тупая боль. Вспыхивающие багровые маркеры на голографической панели отражались в стеклах очков Елены. Воздушный поток вокруг крыла «Матки» отрывался, уходя в хаотичные турбулентные завихрения. Елена подошла сзади. От неё пахло сандалом, типографской краской свежих отчетов и ледяным спокойствием. Она не умела сочувствовать, она умела анализировать.

— Твой третий вектор симуляции смещен на два градуса, Сергей, — её палец с безупречным, коротким маникюром указал на точку излома графиков. — На тридцать четвертой секунде входа в плотные слои атмосферы это вызовет срыв потока. Моделирование разрушения обшивки показывает сорок процентов вероятности катастрофы. Ты промахнулся в простейшей формуле сопротивления материалов. Что с твоим вниманием?

Сергей заставил себя разлепить веки. Перед глазами всё еще плыли неоновые огни яхт-клуба из третьей жизни, а в ушах стоял стук бокалов с шампанским. Мозг судорожно переключался на физику сред. — Прости, Лен... Я просто перегружен. Завтра утром мы подпишем контракт с новыми поставщиками титана, закроем эту бюджетную дыру по ма-

териалам, и... Елена резко замолчала. В КБ воцарилась такая тишина, что стало слышно, как шуршит кулер системного блока под столом. Она медленно сняла очки в тонкой титановой оправе и посмотрела на него сверху вниз. Её взгляд был похож на луч лазерного сканера. — С какими поставщиками, Сергей Николаевич? — в её голосе не было злости, только пугающая, звенящая логика. — Мы оборонное закрытое предприятие первой категории. Наш металл идет по ведомственным фондам напрямую из госрезерва. У нас нет «бюджетных дыр» и «поставщиков». Мы ничего не покупаем на рынке. О каком контракте ты говоришь? Внутренности Сергея сковал мгновенный холод. *Сбой. Тяжелый, глупый сбой.* Он притащил в КБ мышление финансового директора своего холдинга. — Я имел в виду... — он сглотнул сухой ком. — Коммерческое использование гражданских спутников-шпионов. Если оптимизировать затраты... — Затраты? — Елена сделала шаг вперед. Теперь она стояла почти вплотную. Она не была Вероникой, которую можно было отвлечь комплиментом или подарком. Она видела структуру его лжи как неверный алгоритм. — Сергей, ты не выходил из этого кабинета четырнадцать часов. Я сидела напротив. Но последние полчаса ты ведешь себя так, словно тебя подменили. И еще... - Она слегка наклонилась, её ноздри дрогнули, — от тебя пахнет ванилью. И пережженным сахаром. Очень дешевым кондитерским сахаром, Сергей. Наша ведомственная столовая закрыта с шести вечера. Мой парфюм — моле-

кулярный сандал. Откуда этот запах? Перед глазами Сергея мгновенно вспыхнула уютная кухня Тамары. Теплые, пышные булочки с корицей, которые она доставала из духовки всего «час назад» в его второй жизни. Её мягкий, бесхитростный смех. — Я... — Сергей судорожно сжал край стола, чувствуя, как реальность под пальцами начинает слегка вибрировать, теряя твердость. — Я заходил к дежурному на КПП. У него жена печет. Угостил к чаю, пока ты ходила в архив. Елена долго молчала, не отводя глаз. В её взгляде впервые появилось то, чего Сергей боялся больше всего — подозрение ученого, который столкнулся с аномалией. — На КПП сегодня дежурит капитан Соколов, — тихо, почти шепотом произнесла она. — Он холостяк. И у него аллергия на глютин. Сергей... ты лжешь мне. Но самое страшное — ты лжешь как-то системно. словно твоя ложь опирается на факты, которых здесь просто не существует. Завтра же мы едем в клинику Бехтерева. Я не позволю твоему разуму сгореть до того, как мы сдадим проект. Она развернулась, чтобы взять со стола планшет, и в этот момент Сергей зажмурился. Давление в его черепе подскочило до критического. Пространство вокруг него беззвучно раскололось на тысячи стеклянных осколков.

7. Суперпозиция: 33 год н.э. — Богатый купец и Вероника. Темнота, шорох шелка. Сергей открывает глаза на вилле в пригороде Иерусалима. Вокруг мрамор, слуги подносят вино в серебряных кубках. Его караваны везут пряно-

сти и пурпур из самого Египта. Вероника возлежит на ложе, украшенная золотыми цепями и жемчугом. Ее красота безупречна и холодна, как статуя. Она замужем за его статусом, его влиянием и золотыми шекелями. В её объятиях много страсти, но нет ни грамма тепла. Она — украшение его триумфа, жестокая царица его личной империи, готовая предать при первых признаках разорения.

8. Суперпозиция: 1986 год. Преподаватель политической экономии СССР и Подпольный цеховик Вероника. Пространство схлопывается. Сергей сидит в ресторане «Интурист». Рядом с ним — Вероника. Ослепительная, порочная, пахнущая дорогими французскими духами «Magie Noire». На ней чехословацкая бижутерия, губы покрашены яркой помадой. Она — бездушная красавица. Вероника смотрит на него оценивающим, взглядом. Сергей знает: пока он уважаемый партией учёный, она будет рядом с ним. Но стоит ему оступиться — она испарится, даже не обернувшись. Это союз на пороховой бочке, где близость измеряется выгодой.

9. Суперпозиция: 2026 год. Венчурный олигарх и Вероника. Стекланный пентхаус, панорамный вид на Москва-Сити. Сергей — долларовый мультимиллионер, управляющий инвестиционными фондами. Офис инвестиционного холдинга «Вэнс-Капитал» на сорок втором этаже утопал в паническом, приглушенном шепоте. Сквозь панорамное остекление открывался вид на залитый полуденным солн-

цем мегаполис, но внутри кабинета воздух казался серым от сигаретного дыма и запаха, пролитого кофе. На огромной настенной плазменной панели багровели графики. Финансовые индексы холдинга падали по экспоненте, словно сбитый стратосферный челнок. Конкуренты из синдиката «Триада-Финанс» вели изощренную, агрессивную атаку. Все стандартные экономические паттерны и стохастические модели, которые Сергей, как гениальный математик, выстраивал годами, рушились один за другим. — Сергей Николаевич, наши самообучающиеся алгоритмы бессильны! — главный аналитик, бледный парень с растрепанными волосами, дрожащими пальцами листал отчеты на планшете. — Это не рыночная игра. Они не просто перебивают наши ставки. Они просчитывают каждый наш шаг на полчаса наперед! Словно они сидят у вас в голове и знают наши математические модели наизусть. Если мы не закроем короткие позиции, через сорок восемь часов компания — банкрот. Мы потеряем всё. Сергей сидел во главе длинного стола из мореного дуба, сцепив пальцы в замок. Его экономический гений, привыкший к строгой логике цифр, зашел в тупик. Поведение Вероники, которая еще утром устроила безобразную истерику на парковке из-за заблокированной платиновой карты, окончательно выбивала почву из-под ног. Враг действовал не по правилам экономики. Ему нужно было нестандартное, безумное решение, лежащее далеко за пределами современной высшей математики и теории игр. — Оставьте меня. Все вон из

кабинета, — не поднимая головы, тихо скомандовал Сергей. Когда тяжелая стеклянная дверь за сотрудниками закрылась, он устало откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, на секунду отключаясь от багрового мерцания мониторов. Мозг, измученный перегрузкой, провалился в квантовую пустоту. Вероника, прошедшая через десятки пластических операций, выглядит как идеальная картинка из журнала. Она идеальна для светских раутов, жёсткая, расчетливая бизнес-леди. Их брак — это тщательно выверенный контракт. Сергей понимает, что в этом мире цифр и акций он бесконечно одинок, а Вероника — лишь красивый, но абсолютно бездушный фасад его грандиозного финансового успеха.

Вихрь суперпозиций внезапно замер, и Сергея с огромной силой швырнуло обратно, на стул кабинета истории 1986 года. Он тяжело дышал, вцепившись пальцами в полированный край стола. Девять жизней. Девять граней его существа. Три женщины, каждая из которых отражала часть его души: святая преданность Тамары, яростный вызов Вероники и космический разум Елены. Вся квантовая матрица теперь была открыта перед ним. Понимая, что все эти реальности существуют одновременно, Сергей поднял голову. Ему нужно было сделать первый осознанный выбор в этой новой, многомерной жизни. Сергей откинулся на спинку стула, и в полумраке советского кабинета истории его взгляд стал пугающе ясным. Он нашел точку опоры. Среди бушующего океана квантового хаоса, где его сознание рвалось на части меж-

ду эпохами, любовь Тамары стала тем самым нерушимым якорем, который удерживал его от безумия. Её безграничное принятие давало ему право на ошибку и спасало от одиночества. Но завет мессии из пещеры требовал действия. «*Сотвори себе жизнь*» — это манифест созидания. Сергей понял: чтобы вылепить свою идеальную реальность, он должен провести ревизию всех девяти суперпозиций, детально препарировать деятельность каждой своей ипостаси и забрать из них только самое ценное — квинтэссенцию опыта, силы и смыслов.

Препарировать реальность

1986 год — Школьный учитель. Пространство привычно разорвалось в ушах сухим щелчком. Сергей резко вдохнул прохладный, пахнущий мелом и влажной половой тряпкой воздух школьного кабинета. В его правой руке вместо дорогого платинового айфона был зажат обычный огрызок белого мела. В этой реальности Сергей ежедневно проживает рутину советской системы. Его деятельность — это попытка зажечь искру живого мышления в детях среди застойных догм. Он видит, как история превращается в сухой плакат, и учится находить скрытые смыслы между строк. **Что взять:** *Мудрость, педагогическое терпение и способность видеть глобальные исторические закономерности в малых деталях.*

Перед ним на старых деревянных партах сидели тридцать школьников, выжидающе глядя на него. На настенных ча-

сах было 11:15 утра. Жизнь скромного учителя истории шла своим чередом. Сергей с трудом сглотнул сухой ком в горле, лихорадочно перестраивая мышление с фьючерсов на античность.

— Итак... — Сергей повернулся к классу, стараясь, чтобы его голос не дрожал. — Мы остановились на Второй Пунической войне. На том, как Карфаген, обладая колоссальным финансовым могуществом, наемной армией и полным превосходством в ресурсах, умудрился в итоге всухую проиграть Риму. Почему? В чем была системная ошибка Ганнибала? Или, наоборот, в чем был гений его величайшей битвы при Каннах?

Он повернулся к доске и быстрыми, размашистыми движениями начал чертить схему сражения. Полумесяц карфагенской пехоты, выгнутый в сторону римлян. И вдруг Сергей замер. Его рука с мелом остановилась в воздухе. Его мозг экономиста, еще секунду назад умиривший от безысходности в мире больших денег, наложил схему Ганнибалова окружения на багровые графики своего холдинга. Это было озарение, вспышка чистого, созидательного экстаза: «Триада-Финанс» в третьем мире действовала точно так же, как римский консул Варрон! Они слепо, уверовав в свое численное и финансовое превосходство, ломали его оборону по центру, стягивая все свои ликвидные резервы в одну точку. Они сами лезли в мешок. Они думали, что Сергей отступает из-за слабости, а он просто... прогибал центр, как пехота

Ганнибала.

— Они сами идут в клещи... — прошептал Сергей, выронив мел. Огрызок с сухим стуком покатился по полу.

— Сергей Владимирович, вам плохо? — тихо спросила отличница с первой парты, испуганно глядя на его бледное лицо. — Урок окончен. Все свободны, — резко, не оборачиваясь, выдохнул он.

Когда удивленные ученики с шумом покинули класс, Сергей бросился к доске. Забыв про даты, он начал исписывать её сложнейшими экономическими формулами, упаковывая их в тактическую матрицу древней битвы. Это был триумф разума: идея, которой было больше двух тысяч лет, идеально решала кризис ультрасовременного финансового рынка. Конкуренты ждали от него математических алгоритмов XXI века, но они были бессильны против тактики античного полководца. Он зафиксировал схему в памяти, закрыл глаза и волевым эмоциональным усилием рванул сознание обратно, навстречу своим миллионам.

2026 год. Ловушка для проницательной Елены. Но вместо кожаного кресла бизнес-офиса Сергей со всего маха налетел грудью на острый край металлического стола. Пространство вокруг него было стерильно-белым. Он стоял посреди своей квартиры-студии из другой жизни. За панорамным окном высились футуристические башни КБ «Прогресс-Авиа». Перед ним, скрестив руки на груди, стояла Елена. На ней был строгий домашний шелковый халат, а на ку-

хонном острове лежал распечатанный лист бумаги — страница его личного блокнота, который он в спешке забыл на рабочем столе лаборатории.

— Сергей, я не люблю когнитивные диссонансы, — её голос был тихим, но в нем звенела хирургическая сталь. — Я трижды перепроверила данные, которые ты оставил на полях чертежей стратосферного носителя. Это не формулы аэродинамики. Мой алгоритм распознал в них макроэкономические расчеты ликвидности акций какого-то частного холдинга. И... какие-то странные пометки на латыни, касающиеся дислокации нумидийской конницы. Что это такое?

Сергей почувствовал, как сердце пропустило удар, а затем бешено заколотило в ребра. Устойчивая иллюзия Эйнштейна давала смертельно опасные трещины. Его субличности начали физически пересекаться на бумаге, оставляя следы в чужих мирах.

— Лена, это просто... хобби, — Сергей попытался сделать шаг назад, но уперся спиной в холодную стену. — Разгрузка для ума. Переутомление от чертежей крыла, ты же сама говорила... Мне нужно было отвлечь мозг чем-то принципиально другим. История, экономика...

— Не лги мне, — Елена сделала шаг вперед, её умные, пронзительные глаза за стеклами очков сузились, превратившись в два лезвия. — Ты великий конструктор, Сергей. Твой мозг — это прецизионный инструмент. Но сейчас твоя личность распадается. Вчера на кухне ты назвал меня Томой и

требовал показать тебе «простую швейную машинку». Сегодня утром ты кричал во сне про какие-то «короткие позиции» и «слив активов».

Она взяла со стола медицинское направление со штампом: — Завтра в девять утра я везу тебя в Институт мозга к профессору Шестакову. Я уже договорилась о полном сканировании коры. С твоим разумом происходит катастрофа, Сергей. И я, как твоя жена и твой соратник, не позволю тебе сойти со ума и сорвать проект государственного значения. Ты меня услышал?

Сергей смотрел на её идеальное, лишённое эмоций лицо и понимал: её запредельный, тренированный интеллект — это самая большая угроза для его существования. Елена не отступит, пока не разложит его феномен на составляющие и не закроет его в психиатрический бокс. И если она поймет, что действительность вокруг них — лишь одна из трех устойчивых иллюзий, весь его замысел по спасению людей рухнет, не успев начаться. Ему нужно было выиграть время. Любой ценой. Он усилием воли представил стеклянный куб своего офиса на сорок втором этаже. В голове раздался щелчок...

2026 Год. Мир Бизнесмена. В стеклянном кубе кабинета на сорок втором этаже «Вэнс-Капитал» стояла оглушительная, вакуумная тишина. До закрытия торговой сессии и часа «Ч» оставалось ровно тридцать минут. За спиной Сергея, выстроившись в полукруг, застыли топ-менеджеры и ведущие аналитики холдинга. Они смотрели на своего шефа

с ужасом, смешанным с отчаянием. Все они в этот момент считали его сумасшедшим: вместо привычного запуска автоматических математических алгоритмов Сергей Николаевич вручную вбивал в торговую систему ордера, подчиненные странному, рваному, почти первобытному ритму.

— Сергей Николаевич, это же чистое самоубийство! — финансовый директор, бледный, с мокрым от пота воротничком рубашки, едва не умолял его остановиться. — Вы полностью открываете наши фланги! Конкуренты из «Триады» скупают наши дочерние активы за бесценок. Они затягивают петлю на шее холдинга. Еще пара минут такой пассивности, и центр нашей обороны рухнет!

— Они не петлю затягивают, — тихо, с леденящей, абсолютной уверенностью учителя истории произнес Сергей, не отрывая взгляда от мерцающего монитора. — Они заходят в мешок. Ждите.

Перед его глазами стояла школьная доска, исписанная мелом. Римляне при Каннах тоже ликовали, когда центр карфагенского полумесяца под натиском легионов начал пятиться и прогибаться внутрь. Конкуренты, ослепленные легкой и быстрой добычей, бросили все свои свободные ликвидные средства, все резервы синдиката, чтобы продавить искусственно ослабленный центр «Вэнс-Капитал».

— Центр прогнулся до критической отметки, — прошептал аналитик, глядя на падающий график.

— Вот теперь — бейте, — холодно скомандовал Сергей.

— Закрыть фланги. Атакуйте их открытые кредитные линии с наших тяжелых офшорных счетов.

Он нажал клавишу ввода. Кольцо сомкнулось. Через три минуты графики на огромной панели бешено дернулись, переломились и вертикальной стеной устремились вверх. Нападавший на них гигантский консорциум «Триада-Финанс» лопнул изнутри всего за несколько секунд, задохнувшись в собственной жадности и оставшись без капли ликвидности. Тактика окружения Ганнибала Барки, переведенная на сухой язык биржевых деривативов, сработала безупречно. Офис за спиной Сергея взорвался ликующими, безумными криками и аплодисментами. В кабинет, оглушительно стуча высокими каблуками по паркету, впорхнула Вероника. Она сияла, её глаза горели, а в руках она победоносно потрясала новым каталогом:

— Серж! Это невероятно! Мне только что звонили из банка, арест с моих карт снят, лимиты увеличены! Ты просто космический гений! Слушай, я тут подумала, фиолетовая плитка под аметист в гостевой ванной — это как-то банально. Давай выложим всё мозаикой в стиле... ну, этих, древних греков? Или римлян? Как их там? Ты же любишь всякую такую заумную чушь?

Сергей медленно повернулся к своей ослепительной, пустой жене. И в этот момент его обдало леденящим космическим холодом. На плече Вероники, прямо поверх роскошного миланского шелка, на долю секунды проступил... белый,

стерильный халат Елены. А в воздухе кабинета, грубо перебивая дорогой трюфельный парфюм, отчетливо и осязаемо потянуло ароматом лаванды и теплого хлеба Тамары. Миры больше не сменяли друг друга после сна. Они начали накладываться друг на друга, как прозрачные слои в сломанном проекторе. Реальность расслаивалась прямо у него на глазах. Он судорожно моргнул, пытаясь сбросить это жуткое наваждение, и обнаружил себя сидящим на кухне в доме Тамары. Был поздний, глухой вечер. За окном мерно шумел майский дождь. На столе горела старая настольная лампа под уютным матерчатым абажуром. Но вместо привычной кружки чая с мятой на потертой клеенке стола лежали... распечатки графиков биржевых котировок из его второй жизни и секретный чертеж сопла ионного двигателя из третьей. Они материализовались здесь, прямо из воздуха...

33 год н.э. — Хронист в Иудее: Сергей с риском для жизни следует за апостолами, скрываясь в толпе. Его деятельность — фиксация величайшего перелома человечества. Он пишет на пергаменте не мифы, а реальные, пахнущие потом, страхом и чудом секунды. Он видит зарождение веры и знаний изнутри. **Что взять:** *Обострённую интуицию очевидца, понимание психологии масс и знание подлинных истоков мировой культуры.*

2026 год — Забытый учитель и Тамара: одинокая борьба в мире клипового мышления. Сергей бьется за историческую правду, доказывая подлинность артефактов про-

шлого наперекор цифровому шуму. Но весь Мир смотрит только в экраны смартфонов.

Что взять: *Непреклонную верность истине, академическую стойкость и умение держать удар, даже будучи непризнанным.*

33 год н.э. — Богатый купец: его деятельность простирается от рынков Александрии до дворца Ирода. Сергей управляет караванами, договаривается со спекулянтами, выкупает корабли и манипулирует ценами на зерно и пурпур. Он знает, как золото открывает двери римских преториев и покупает лояльность центурионов.

Что взять: *Масштабное стратегическое мышление, умение управлять крупными потоками ресурсов и абсолютную финансовую бесстрашность.*

2026 год. Венчурный олигарх: но теперь, чтобы выбрать главное из жизни олигарха ему надо подробно прожить несколько суток его работы в офисе башни Федерации и проследить Весь процесс создания миллиардных состояний, очень подробно... Для того чтобы забрать из ипостаси олигарха самый ценный ресурс — навык управления масштабными системами и конструирования материальной реальности, Сергей вводит свое сознание в режим максимальной фокусировки. Кабинет истории 1986 года с его тикающими часами растворяется на периферии ума. Сергей син-

хронно погружается в июль 2026 года. Он проживает трое суток изнурительной, высокоинтенсивной работы на 42-м этаже башни «Федерация» в Москва-Сити. Здесь он — долларовый мультимиллионер, глава венчурного фонда «Квантум-Капитал». Вокруг него — стерильное стекло, панорама летней Москвы в дымке и холодная, расчетливая Вероника. Управление невидимым миром цифр. Деятельность Сергея — это поглощение технологических стартапов, инвестиции в ИИ, манипуляции на крипторынках и создание транснациональных альянсов. Он создает тренды, по которым завтра будет жить планета.

Точка входа и утренний фильтр. Сергей заходит в кабинет. Панорамные окна от пола до потолка глушат гул мегаполиса. На столе — три монитора Bloomberg Terminal, отражающие котировки акций, фьючерсов и криптоактивов в реальном времени.

Действие: анализ утренней записки аналитиков. Главная задача олигарха — не читать новости, а видеть *нестыковки* в них. Миллиарды рождаются там, где толпа паникует или ослеплена эйфорией. Звонок из Гонконга будит Сергея прямо в апартаментах башни. Акции его ключевого сырьевого актива в Сибири начинают падать из-за спланированной информационной атаки конкурентов в западных СМИ. Паника инвесторов грозит сжечь 400 миллионов долларов капитализации за утро.

Анатомия создания капитала: олигарх не защищается

— он контратакует. Сергей отдает приказ подконтрольным брокерам начать агрессивные короткие продажи (шорт) собственных акций, искусственно усугубляя падение. Толпа в панике сбрасывает бумаги за бесценок.

Захват контроля: когда цена достигает дна, Сергей через подставные оффшорные фонды Вероники мгновенно выкупает 15% подешевевших акций компании обратно.

Результат: К полудню информационная атака опровергнута официальным релизом. Акции взлетают выше прежнего уровня. Конкуренты разорены, а Сергей за счет паники рынка увеличил свою долю в бизнесе и заработал чистыми 180 миллионов долларов за шесть часов. Это чистая психология масс, которую он изучал как историк, примененная на бирже.

Закрытый раунд с государственным масштабом: в кабинете Сергея — три человека, чьи имена редко появляются в прессе, но которые определяют экономическую карту Евразии. Обсуждается проект строительства нового цифрового шелкового пути — оптоволоконной и квантовой сети связи от Шанхая до Роттердама.

Анатомия создания капитала: миллиарды не создаются на продаже товаров в розницу. Они создаются на инфраструктурных монополиях. Сергей предлагает консорциуму уникальное технологическое решение, которое его ипостась создателя ИИ (вместе с Еленой) уже протестировала в цифровой модели. Он забирает под свой фонд право управления

транзитным трафиком данных. Это гарантирует приток капитала на десятилетия вперед, независимо от смены правительств.

Итог трех суток и Квантовый экстракт. Сергей остается один в темном кабинете. На экранах светятся цифры его чистой стоимости (Net Worth) — за эти трое суток его структуры сгенерировали прирост капитала почти в **полмиллиарда долларов**. Он смотрит на огни ночной Москвы и делает глубокий вдох. Ментальный фильтр 1986 года срабатывает безупречно. Теперь он точно знает, что ему нужно взять из жизни олигарха:

Не брать: Холодное одиночество, материальное пресыщение, цинизм Вероники и вечный страх потерять власть. Это мишура.

Взять как главное:

Масштаб мышления: Умение оперировать ресурсами не в рамках одной зарплаты или одного бюджета школы, а в масштабах государств и эпох.

Управление рисками: Абсолютное хладнокровие в момент кризиса. Способность использовать чужую панику и хаос как строительный материал для своего порядка.

Конструирование будущего: Понимание того, что деньги — это не бумажки и не золото, а эквивалент чистой воли. Это энергия, способная материализовать любую инженерную мысль Елены или сохранить любое слово для учеников. Синхронизация завершена. Квантовый экстракт богат-

ства вшит в сознание Сергея.

Что взять: *Понимание законов глобальной экономики будущего, умение делегировать задачи и хладнокровие крупного игрока.*

Здесь Сергей — демиург, укротитель материи, физики и логики.

33 год н.э. — Механик римских баллист и Елена: Ручной труд и законы сопромата на практике. Сергей рассчитывает натяжение воловьих жил, угол наклона торсионов и вес каменных ядер, чтобы баллисты били точно в цель, опережая греческие аналоги. Это укрощение грубой силы природы с помощью геометрии.

Что взять: *Прикладные навыки выживания, знание механики, ремесла и способность создавать сложнейшие механизмы буквально «из палок и камней».*

1986 год. Создание Советского «Бурана» с Еленой. Теперь процесс проектирования и испытания Бурана в советском КБ Сергеем конструктором и Еленой аэродинамиком и лётчиком испытателем. Работа под грифом «Совершенно секретно». Сергей и Елена ночами не выходят из лаборатории, рассчитывая на логарифмических линейках и первых советских ЭВМ аэродинамику крыла для шаттла, перспективных ракет или систем ПВО. Это деятельность на стыке жестких ограничений советской базы и гениальной ин-

женерной интуиции.

Здесь они используют труды Христиановича и Королёва, появившихся в следствии запущенного им квантового домино передачи знаний гениям эпох. Для того чтобы забрать из ипостаси инженера-конструктора высшую форму созидательной энергии — навык укрощения материи на сверхзвуковых скоростях, — Сергей переносит фокус внимания на третью грань своей квантовой матрицы. В ту же секунду в **1986 году** советский кабинет истории № 304 наполняется низким, вибрирующим гулом аэродинамических труб. Сергей синхронно проживает недели напряжённейшей работы в закрытом подмосковном КБ НПО «Молния». Здесь он — ведущий конструктор планера многоцветного космического корабля «**Буря**», а Елена — его муза, гениальный аэродинамик и бесстрашный лётчик-испытатель. Этот процесс становится живым триумфом его квантового домино. Формулы и притчи, заложенные им в 33 году, пройдя сквозь века, расцвели в умах Королёва и Христиановича. И теперь Сергей и Елена используют этот великий теоретический фундамент, чтобы совершить невозможное. В КБ пахнет озоном, сигаретным дымом, кофе и аммиачной копировальной бумагой. На огромных кульманах развернуты чертежи «Бурана» в натуральную величину. Елена, взъерошенная, в простом синем рабочем халате поверх свитера, сидит за терминалом советской ЭВМ БЭСМ-6. Ее глаза блестят от экстаза первооткрывателя. Она решает главную математическую

задачу века — поведение орбитального корабля при входе в плотные слои атмосферы на девятнадцатикратной скорости звука (19 Махов). Корабль должен балансировать на грани между полным сгоранием в плазме и рикошетом обратно в космическую бездну. — Сережа, смотри! — Елена быстро стучит по клавишам, выводя на экран графики. — Формулы сверхзвукового обтекания газа, которые Христианович вывел в ЦАГИ, работают безупречно! Но в его уравнениях была скрытая константа, словно оставленная кем-то намеренно... Квантовый маркер. Я разгадала её! Сергей смотрит на экран и узнает в уравнениях Христиановича ту самую геометрическую метафору о «жидкой реке в небесах», которую он сам продиктовал ученикам в Иудее 33 года. Квантовое домино совершило оборот. Опираясь на труды Христиановича по трансзвуковым течениям, Елена создает математическую модель идеального крыла «Бурана». Её расчеты аэродинамики опережают американские расчеты для «Шаттлов» на десятилетие: советский корабль сможет маневрировать в атмосфере за счет чистой аэродинамики, без использования двигателя. Сергей переходит в сборочный цех, где в стерильной чистоте висится гигантская туша «Бурана», покрытая тридцатью тысячами черных и белых кварцевых теплозащитных плиток. Каждый миллиметр этого технологического чуда — плод его конструкторской мысли. Здесь Сергей смыкает опыт инженера римских баллист 33 года и хватку олигарха 2026 года. Ему нужно сопрячь планер корабля

с колоссальной ракетой-носителем «Энергия». Он открывает личные, засекреченные дневники **Сергея Королёва**. Листая пожелтевшие страницы с чертежами ракеты Р-7, Сергей видит, как Королёв интуитивно обходил тупиковые ветви физики. Великий Главный конструктор словно слышал сквозь время подсказки. На полях одной из страниц рукой Королёва начертано: *«Расчет торсионных напряжений корпуса делать не по немецкой схеме, а по правилу древнего рычага — как у метательных машин древности. Сила в натяжении жил, а не в толщине металла»*. Сергей улыбается. Его баллисты из 33 года дали Королёву подсказку, как распределить нагрузки на баки ракеты. Используя этот королевский прорыв, Сергей проектирует уникальную систему разделения корабля и ракеты-носителя на старте, исключая любую аварии.

Наступает день решающего эксперимента. На аэродроме ЛИИ им. Громова стоит летающая лаборатория — аналог «Бурана» (БТС-002) для горизонтальных летных испытаний. В кабине пилота — Елена. На ней высотно-компенсирующий костюм и шлем, скрывающий строгие черты лица. Она не просто теоретик — она единственная, кто способен прочувствовать аэродинамику корабля собственным телом. Сергей находится на командном пункте. Рация шипит статикой.

— Буран-002, я Заря. Разгон на форсаже, — команду-

ет Сергей, чувствуя, как его сердце колотится синхронно в 1986, 33 и 2026 годах. Аналог «Бурана» ревет двигателями и отрывается от полосы. Елена уводит машину в облака. На высоте четырех тысяч метров она полностью отключает двигатели, переводя тяжелый, беспилотный по своей сути планер в режим автоматического планирования. Она проверяет систему, которая в будущем позволит космическому кораблю садиться на землю в режиме абсолютного робота. Внезапно машину начинает заваливать в левый крен — мощный боковой порыв ветра над полосой создает непредвиденный вихревой поток. В ЦУПе паника. Приборы зашкаливают.

— Отказ автоматики! Лена, переходи на ручное! — кричит руководитель полетов.

Но Сергей спокоен. Квантовым разумом он видит воздушные потоки вокруг крыла корабля так же ясно, как пальцы Вероники, перебирающие бусы в 33 году. Он передает Лене ментальный приказ: *«Не трогай штурвал. Доверься уравнениям Христиановича. Воздух — это река. Корабль сам найдет русло»*. Елена чувствует этот импульс. Её пальцы замирают в миллиметре от штурвала. Наперекор крикам в наушниках, она позволяет автоматическому ИИ «Бурана» (алгоритмы которого Сергей уже пишет в 2026 году) скорректировать траекторию. Корабль делает запредельный, изящный вираж, закладывает идеальную глиссаду и мягко, с ювелирной точностью касается бетонной полосы ровно по

осевой линии. Автоматическая посадка совершена впервые в мире. Это абсолютный триумф. Вечером, когда КБ пустеет, Сергей и Елена остаются одни у кульмана. Елена снимает очки, устало трет глаза и смотрит на него со смесью восхищения и глубокого, почти космического родства. Между ними нет земной страсти, только чистая энергия созидания — они вместе создали объект, преодолевший законы гравитации.

Сознание Сергея сфокусировалось на самом чистом, пассивном пласте его квантовой памяти — на секретном КБ конца 1980-х. Здесь его воля к преодолению ковалась не из котировок и ценных бумаг, а из титана, жаропрочной керамики и безупречных законов аэродинамики. В этом мире Сергей и его жена Елена были единым целым. Их брак держался не на банальном бытовом притяжении или страсти к телам друг друга — это была высшая форма близости, **рабочая любовь двух технических гениев**, помещенных на небо. Сергей — ведущий авиаконструктор, видящий конструкцию корабля целиком, от носового обтекателя до сопел двигателей. Елена — гениальный аэродинамик, способная мысленно рассчитывать ламинарные и турбулентные потоки газов, обтекающих планер на гиперзвуковых скоростях. В ее чертежах жила та же математическая гармония, с которой она высчитывала траектории ядер для баллист в Древнем Риме. Они разговаривали на языке формул, эскизов и графиков, понимая друг друга с полуслова. Шел конец 1980-х. Финансирование космической програм-

мы «Энергия-Буран» таяло на глазах. Разваливающийся Советский Союз, раздираемый экономическим кризисом и политической борьбой, фактически бросил проект. Чиновники в министерствах уже махнули рукой на советский Шаттл, считая его слишком дорогой игрушкой. КБ сидело на голодном пайке: не хватало материалов, испытательных стендов, квалифицированных рабочих, уходивших в кооперативы Вероники.

— Проект закроют, Сергей. Нам прямо говорят, что денег нет и не будет, — уставшим голосом сказала Елена, глядя на огромный чертеж крыла «Бурана» в их пустом вечернем кабинете.

Сергей подошел к ней, положил руку на кульман и посмотрел в ее глаза, в которых горел тот же фанатичный огонь, что и у него. Римская решимость императоров и жесткая хватка будущего магната соединились в его голосе:

— Мы не отдадим им наш корабль. Если империя умирает, это не значит, что должна умереть наша мечта. Мы закончим его. Без финансирования. На чистой воле.

Начался их личный, титанический бой с обстоятельствами. То, что они сделали, казалось современникам невозможным. Сергей и Елена буквально на коленях, используя старые запасы, бартер и личный авторитет, собирали комплектующие по всей стране. Сергей выбивал титановые лонжероны на заводах под честное слово, доказывая директорам, что

этот полет — последний шанс доказать величие их науки. Елена ночами, без суперкомпьютеров, на допотопных советских ЭВМ вручную пересчитывала траекторию входа корабля в плотные слои атмосферы. Она рассчитывала угол атаки так, чтобы уникальные теплозащитные плитки, наклеенные на фюзеляж, выдержали адскую температуру в тысячи градусов и не превратили планер в пепел.

Главный риск и психологический надлом заключался в одном: «Буран» должен был лететь **абсолютно без экипажа, в полностью автоматическом режиме**. Американские Шаттлы никогда не летали без пилотов — их автоматика не была способна на такое. Советское руководство, боясь катастрофы и позора, требовало отменить запуск или посадить в кабину летчиков-испытателей. Но Сергей настоял на своем. Он взял на себя всю полноту персональной ответственности — шаг, на который в те годы не отважился бы ни один чиновник. Он знал, что бортовой компьютер, программу для которого они с Еленой выверяли до последнего бита, справится.

15 ноября 1988 года. Байконур. Штормовой ветер, низкая облачность, видимость на пределе. Все системы сигнализировали об опасности, руководство полетами было на грани паники и требовало отложить старт. Но Сергей, сжав зубы, смотрел на Елену. Она едва заметно кивнула — ее аэродинамические расчеты учитывали даже этот безумный буран на Земле.

— Пуск, — твердо скомандовал Сергей.

Ракета-носитель «Энергия» с ревом оторвалась от стола, унося «Буран» в свинцовое небо. Два витка вокруг планеты в безмолвном космосе пролетели как одно мгновение, наполненное звенящим психологическим напряжением. А затем началось самое сложное — возвращение. Когда корабль вошел в атмосферу, связь с ним пропала. Наземные радары потеряли его в плазменном облаке. Минуты тянулись как вечность. И вдруг, на высоте нескольких километров, автоматика «Бурана» сделала то, от чего у всех генералов в ЦУПе перехватило дыхание: оценив силу встречного штормового ветра, компьютер корабля заложил крутой, ювелирный вираж, разворачивая многотонную махину против ветра для идеального захода на посадочную полосу. Это была чистая математическая гениальность Елены, заложенная в алгоритм. Многоразовый космический корабль «Буран» мягко коснулся колесами бетона, выпустил тормозные парашюты и замер точно в центре полосы. Без единого человека на борту. Это был абсолютный, чистый триумф, равного которому не знала мировая космонавтика.

В рёве ликующего ЦУПа Сергей и Елена просто смотрели друг на друга. Им не нужны были объятия — их душ коснулась та самая космическая энергия преодоления, которая вела Сергея сквозь века. Они сделали невозможное. Сергей делает глубокий вдох и забирает из этой суперпозиции самое главное для своего «Плана сотворения»:

Не брать: Одержимость технологиями в ущерб живому (баллисты разрушают, ИИ может поглотить душу).

Что взять: *Фундаментальные знания советской физико-математической школы, изобретательность в условиях дефицита и жесткую логику.*

Чистое созидание (Демиургия): Способность материализовать мысль в металле и коде. Умение заставить законы природы работать на себя.

Ментальный резонанс Елены: Её безупречный аналитический ум — это идеальный инструмент для расчета вероятностей. Она — его главный вычислительный центр.

Бесстрашие испытателя: Способность доверять своим расчетам на краю гибели, когда вокруг бушует плазма или хаос.

Эстафета знаний или эффект домино

Якорь был заброшен — дома его ждал уютный запах выпечки Тамары, дарующий душевный покой. Но строить свой новый мир он будет, используя холодный расчет Вероники и гениальный мозг Елены. Пазл начал складываться, но надо понять, как именно квантовая матрица связана с фигурой Христа? Он пробежался мысленно по всем своим 9 жизненным суперпозициям, и понял пока только две вещи: его опора и стержень любовь Тамары, а главное дело - ученичество. Он решил заложить в своих учеников 33 года знания,

пока им недоступные, и не понимаемые, но они дадут ростки в гениях последующих поколений: Коперник, Галилей..., далее Менделеев..., далее Эйнштейн, Резерфорд, Сахаров, и для космоса Королёв и Христианович... Он решил устроить квантовое домино рождения знаний и гениев по эпохам..." Имея за спиной абсолютный тыл в лице безграничной любви Тамары, Сергей обретает ментальное бессмертие. Он больше не боится затеряться во времени. Теперь у него есть Сверхцель. Он не будет менять историю грубой силой, оружием или золотом. Он изменит ее через Разум.

Сергей откинулся на спинку стула, и в полумраке советского кабинета истории его взгляд стал пугающе ясным. Он нашел точку опоры. Среди бушующего океана квантового хаоса, где его сознание рвалось на части между эпохами, любовь Тамары стала тем самым нерушимым якорем, который удерживал его от безумия. Её безграничное принятие давало ему право на ошибку и спасало от одиночества. Но завет мессии из пещеры требовал действия. *«Сотвори себе жизнь»* — это манифест созидания. Сергей открыл ящик стола 1986 года, достал чистую общую тетрадь за 44 копейки и уверенным почерком вывел на первой странице: **«План сотворения»**. Он нашел свой истинный Грааль — **ученичество**.

Сергей понимает: если он, используя свою ипостась инженера и историка, забросит семена фундаментальных знаний в 33 год н.э., они не погибнут. Даже если ученики Иудеи первого века не поймут формул квантовой механики или тео-

рии относительности, эти знания, зашифрованные в притчах, апокрифах и тайных свитках, станут ментальными триггерами. Они будут спать в пластах ноосферы, чтобы в нужный момент сдетонировать в умах гениев будущего. Опираясь на эту концепцию, Сергей открывает свою тетрадь в кабинете 1986 года и начинает чертить **карту первой квантовой цепочки домино**:

Первая. Посев знаний в 33 году н.э. (Иудея). Сергей, возвращаясь в тело безвестного хрониста и инженера баллист, собирает вокруг себя узкий круг учеников — молодых, пытливых юношей, не отравленных догмами фарисеев или римским прагматизмом. На тайных встречах при свете масляных ламп он диктует им странные тексты.

Он не говорит «аэродинамика» или «атом». Он облачает знания в форму метафор: *«Мир состоит из неделимых песчинок света, и каждая песчинка есть и волна на воде, и камень, брошенный рукой».*

Он заставляет их заучивать геометрические пропорции и законы движения небесных тел, которые Елена (его муза-инженер) рассчитывает угольком на досочках.

Вторая. Эпоха Возрождения и Просвещения (Коперник, Галилей). Свитки, спрятанные учениками Сергея в кумранских пещерах или унесенные в Александрию, спустя века всплывают в монастырских библиотеках Европы. Молодой **Николай Коперник** натывается на фрагмент текста о «солнечной колеснице, вокруг которой танцуют пес-

чинки-земли», и его осеменяет гениальная догадка. **Галилео Галилей**, читая тайные труды по механике баллист древнего инженера Сергея, внезапно понимает законы инерции и свободного падения, направляя свой телескоп в небо. Домино начинает движение.

Третья. Индустриальный прорыв (Менделеев). Знания усложняются. В XIX веке цепочка домино бьет по уму **Дмитрия Менделеева**. Квантовый след, оставленный Сергеем, резонирует с подсознанием химика. Пророческие слова из древности о «строгом порядке элементов, аки воинов в легионе, где каждый имеет свой вес и место», обретают форму Периодической системы во сне великого ученого.

Четвертая. Квантовый взрыв (Эйнштейн, Резерфорд). В начале XX века домино падает на физику. **Эйнштейн** взламывает пространство и время, словно вспоминая тот самый взгляд Христа из пещеры, который Сергей зафиксировал в квантовой матрице: «Время — лишь иллюзия, а свет — абсолют». **Резерфорд** заглядывает внутрь атома, обнаруживая там планетарную модель, предсказанную и зашифрованную Сергеем еще на Голгофе.

Пятая. Атомный и Космический век (Сахаров, Королёв, Христианович). Цепочка возвращается в родной для Сергея СССР и уходит в будущее 2026 года. **Андрей Сахаров** обуздывает энергию звезд. Для прорыва в космос домино активизирует разум **Сергея Королёва**. Древние баллистические расчеты Сергея из 33 года, прошедшие сквозь

века математической эволюции Елены, превращаются в траектории ракетных дюз, пробивающих земную твердь. Академик **Сергей Христианович**, гений аэродинамики и сверхзвуковых скоростей, словно подключается к мыслям Елены из 33 года, создавая мощнейший фундамент для советской авиации и космонавтики.

Сергей заносит ручку над тетрадь. План грандиозен, но квантовое домино требует невероятной точности. Малейшая ошибка в первом звене в 33 году — и в 1986-м или 2026-м мир может схлопнуться в техногенный апокалипсис или средневековое мракобесие. Это осознание обрушилось на Сергея с ясностью квантового озарения. Ему действительно не нужно было никуда перемещаться, закрывать глаза или ждать новой вспышки молнии. Он не прыгал во времени — он в нем **находился**. Все девять суперпозиций его жизни пульсировали в его сознании прямо сейчас, в режиме реального времени. Пока его физическое тело сидело на жестком стуле советского кабинета истории в **1986 году**, его пальцы в **33 году** выводили угольком знаки на дощечке, а в **2026 году** те же пальцы нажимали клавиши терминала квантового компьютера. Прошрое, настоящее и будущее сплелись в тугой узел здесь, в «уютной эпохе застоя». 1986 год стал главным коммутатором, диспетчерской вышкой его личной вселенной. Именно из этой точки Сергей начал плести свою беспрецедентную сеть «квантового домино».

СИНХРОННЫЙ КВАНТОВЫЙ ЗАПУСК ДОМИ- НО ЗНАНИЙ

33 год н.э. <————— 1986 ГОД (ЦЕНТР
СЕТИ) —————> 2026 год

(Засев семян) (Перевод и Смысл) (Сбор Урожая)

| | |

|—————|

|—————|

| Сергей-Инженер | #———# | Сергей-Учитель

| #———# | Сергей-Демиург |

| диктует притчи | | синхронизирует | | све-

ряет траектории |

| ученикам в Иудее. | | потоки в тетради. |

| полетов будущего. |

|—————|

|—————|

[Коперник/Галилей] —————# [Менделеев/Эйн-
штейн] —————#Христианович/Сахаров

Сидя за учительским столом, отодвинув контрольные ра-
боты 9-го «Б», Сергей закрыл глаза и ментально соединил
все девять каналов восприятия. Настало время первого син-
хронного действия, но шторм смены суперпозиций внутри
его головы не затихал. Сергей не управлял этим процессом

— он был под властью квантовой неопределенности. Сигналы терминалов с зигзагами финансовых котировок смешивались с рокотом ракетных ускорителей шаттла «Звёздных войн», бархатным рёвом турбин носителя «Матки - Ложement» и криками римских легионеров. Но среди этого хаоса Сергей нащупал свой главный жизненный якорь. Это была Тамара и его любимая история с учениками. «Если я удержусь за этот школьный стол, за занавесочки, пирожки и за школьные сочинения моих учеников — я выживу», — лихорадочно думал он. Я подчиню себе этот шторм, сконцентрируюсь на Античности. Переплетение знаний историка, ученого-авиаконструктора и миллиардера-финансиста помогут мне преодолеть любые препятствия, но в самом сердце всех суперпозиций я останусь Учителем.

Чтобы выполнить послание, услышанное в пещере, он сформулировал себе великий план. В Нашем времени он напишет фундаментальную книгу, излагая всю истину о квантовом чуде и Мессии. Писать он будет простым слогом, как учитель для учеников. В Начале Эры, используя расчеты Елены, он вычислит пещеру, которую не тронут тектонические сдвиги, и с помощью богатств Вероники подкупит центурионов, чтобы собрать все реальные артефакты истории Христа.

Он оставит готовую книгу вместе с артефактами в пещере Античности. А в 1986 году, на полях школьных тетрадей, или ещё где-нибудь, оставит зашифрованный Ключ к наход-

ке.

Но самое грандиозное таинство будет происходить на его тайных уроках в Древнем Риме. Будучи там, в полутёмном, пахнущем сыростью подвале своего дома Сергей будет собирать вокруг себя одаренных сирот, детей горожан Рима, рабов и бедняков, брать кусок мела и чертить на каменных стенах доступные там пока только ему знания будущих поколений. Разум авиаконструктора позволит ему объяснять детям законы прочности, принципы конструирования летательных аппаратов и аэродинамики, а экономический гений поможет закладывать в их головы принципы макроэкономики. Он будет давать им на уроках чистые, концентрированные знания, опережавшие время на тысячелетия. Сергей не просто будет учить — он запустит домино квантовой эволюции, передавая искры знаний из поколения в поколение...

...Маленький, жадно ловящий каждое слово римский сирота Луций сохранил записи Учителя на пергаментях. Его потомки сквозь мрак Темных веков берегли эти тексты как семейную святыню. Так искра попала в Средние века: далекий преемник Луция, монах-переписчик, передал эти формулы тайным обществам, из которых позже взошли умы, Коперника и Галилея, перевернувшие представление о космосе...

...В Средневековье эта невидимая эстафета набрала силу. Другой ученик Сергея, Марк, замороженно слушавший в римском подвале лекции о периодичности элементов приро-

ды, заложил ментальный код в устную традицию алхимиков. Спустя столетия этот скрытый генетический шифр вспыхнул озарением в разуме Менделеева, когда тот мгновенно упорядочил хаос химических элементов...

А мальчик Гай, который слушал рассказы Сергея о квантовом чуде шаровой молнии и Вселенском Разуме, передал потомкам священный трепет перед природой света и энергии. Именно из этого тайного духовного русла, пробившего толщу двух тысяч лет, в середине XX века и в 1980-е годы проросли прозрения Резерфорда, Бора, Эйнштейна, Сахарова, Королёва и Христиановича. Они создали квантовую физику, укротили атомную энергию и покорили космос только потому, что Сергей когда-то заронил эту мысль в голову их далекого предка под грохот римских баллист... Сергей своими руками конструировал мыслящий генофонд человечества, связывая Древний Рим, советские НИИ 1980-х годов и лаборатории будущего в единый неразрывный узел.

Шаг 1. Перевод аэродинамики на язык притч (33 год н.э. — 1986 год). В закрытом НИИ 1986 года его ипостась инженера вместе с Еленой прямо сейчас рассчитывает уравнения Навье-Стокса и дифференциальные модели обтекания тел для сверхзвуковых скоростей — то, что в будущем станет основой расчетов академика Христиановича. Сергей в кабинете истории ловит этот мысленный импульс, переводит математический язык формул в поэтические метафоры и мгновенно транслирует его своей ипостаси в 33 год. Там,

прижавшись к холодной стене каменного дома, Сергей-механик диктует своим ученикам:

«Запишите, дети мои: воздух не пуст, он аки жидкая река, текущая в небесах. И когда стрела или ядро баллисты рассекают его, они рождают невидимые глазу вихри. Сила, что держит птицу в небе, пропорциональна квадрату скорости ее бега и плотности самого духа воздушного...»

Молодые ученики в Иудее прилежно записывают это на пергамент. Они не знают слова «пропорционально» в его современном физическом смысле, они не понимают, что такое «квадрат скорости», но их руки выводят сакральные геометрии. Это первая кость домино. Она упадет, когда эти свитки через тысячу лет откроет Леонардо да Винчи, а затем Галилей.

Шаг 2. Закладка планетарной модели (1986 год — 33 год н.э.). В 1986 году по радио в лаборантской тихо поет Муслим Магомаев. Сергей берет красный карандаш для проверки тетрадей, но вместо исправления ошибок начинает чертить на чистом листе планетарную модель атома Резерфорда и квантовые уровни Бора. Этот чертеж синхронно отражается в сознании Сергея-купца в 33 году, который в этот момент сидит на роскошной вилле с бездушной Вероникой. Пока она любит новые золотые украшения из Александрии, Сергей, глядя на круглые бусины ее ожерелья, мысленно передает своим ученикам-писцам:

«Мир великий подобен миру малому. Как Солнце держит

вокруг себя Землю и звезды на кругах их, так и в самой малой неделимой пылинке плоти есть свое солнце-ядро, и вокруг него танцуют невидимые духи света, перескакивая с одной невидимой нити на другую, рождая огонь и тепло...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.